

С. И. Фролова

ДЕТСКИЕ САДЫ-МОНТЕССОРИ В ПЕТЕРБУРГЕ-ПЕТРОГРАДЕ¹

Мария Монтессори (1870 – 1952) – замечательный итальянский педагог, психиатр и психолог, опытный детский врач и неутомимый ученый-исследователь, религиозный философ и страстная подвижница гуманистических идей. Пропагандистом ее системы воспитания в нашей стране стала Юлия Ивановна Фаусек (1863 – 1942), работавшая с детьми дошкольного возраста и ставшая впоследствии профессором Ленинградского педагогического института им. А. Н. Герцена.

Мария Монтессори начинала работать с умственно-отсталыми детьми. Эта работа побудила ее изобрести специальные дидактические материалы – очень красивые разнообразные предметы, манипулируя которыми, дети в течение года достигали уровня нормально развивающихся сверстников. Такой результат заставил Марию Монтессори задуматься над тем, что за этот год смогут сделать для своего развития обычные, здоровые дети, если им предоставить самостоятельность и возможность выбора? В Монтессори-школах и детских садах нет тех общепринятых уроков, когда учитель изо дня в день объясняет что-либо всему классу. Здесь усвоение новой информации происходит у каждого конкретного ребенка через очень краткий индивидуальный урок.

«Вглядывайтесь в ребенка, – говорила Мария Монтессори, – не учите, не настаивайте, а помогайте ему действовать самостоятельно. Педагог тем и отличается от няньки, что он исследователь, и главный метод его работы – наблюдение, а не обучение по программе». Обращение ребенка к учителю: *«Помоги мне это сделать самому!»* – ключевое в педагогике Монтессори. *«Жди и наблюдай»*, – вот главный девиз учителя, который должен отказаться от привычных канонов. Каждый ребенок действует по своему разумению, возможностям и исподволь развивается так быстро или так неспешно, как уготовано природой.

Монтессори-технология предпочитает невербальное обучение: «Не переводи в словесный ряд то, что можно не переводить». Причину такого предпочтения можно обозначить и следующей формулой:

«Я слышу – я забываю,
Я вижу – я запоминаю,
Я делаю – я учусь».

Существует миф о том, что в Монтессори-садах и школах царит полная свобода, анархия. На самом деле, по определению самой создательницы системы,

¹ В данной работе использованы следующие источники: Амонашвили Ш. А. Размышления о гуманной педагогике. – М.: Издательский дом Шалвы Александровича Амонашвили, 1996; Монтессори. Антология Гуманной Педагогике / Ред. Амонашвили Ш. А. и др. – М.: Издательский дом Шалвы Александровича Амонашвили; Гребенников А. Р. Свобода и дисциплина // Сборник научно-практических статей. Московский центр Монтессори. – М., 1998. С. 68 – 69; Российская национальная библиотека. отдел рукописей, Ф. 807. Дневники Юлии Ивановны Фаусек.

«дисциплина – это владение собой как внутренняя способность, умение найти баланс между тем, что хорошо для себя и тем, что хорошо для других, а свобода – это естественно развивающаяся внутренняя способность выбирать наилучшее для себя и других». Свобода и дисциплина были для Марии Монтессори взаимосвязанными понятиями. Она формулировала эту связку так: «свобода – в – дисциплине». Можно все, что не вредит здоровью и независимости окружающих. В этих пределах ребенок волен выбрать, что и как долго он будет делать.

«Три кита» системы Монтессори:

- знание возрастных особенностей ребенка на каждом этапе его развития,
- создание специально развивающей среды для свободной работы,
- разновозрастные группы.

Здесь уместно привести заповеди Монтессори-школ, которые учителя обычно вывешивают в «родительском уголке» своих классов:

- Детей учит то, что их окружает.
- Если ребенка часто критикуют – он учится осуждать.
- Если ребенку часто демонстрируют враждебность – он учится драться.
- Если ребенка часто высмеивают – он учится быть робким.
- Если ребенка часто позорят – он учится чувствовать себя виноватым.
- Если к ребенку часто бывают снисходительны – он учиться быть терпеливым.
- Если ребенка часто подбадривают – он учится уверенности в себе.
- Если ребенка часто хвалят – он учится справедливости.
- Если ребенок живет с чувством безопасности – он учится верить.
- Если ребенка часто одобряют – он учится хорошо к себе относиться.
- Если ребенок живет в атмосфере дружбы и чувствует себя нужным – он учится находить в этом мире любовь.

В России первые Монтессори-сады возникли в 1910 – 1920 годах благодаря самоотверженному труду нашей соотечественницы Юлии Ивановны Фаусек.

Ю. И. Фаусек (рожд. Андрусова) родилась в г. Керчи Таврической губернии 16 марта 1863 года. Образование получила в Керчинской женской гимназии и на Бестужевских курсах, а позднее стала организатором и руководителем детских садов, автором многочисленных трудов по методике работы в этих детских учреждениях, по вопросам воспитания и обучения детей младшего возраста. Муж Юлии Ивановны, Виктор Андреевич Фаусек, был профессором зоологии Петербургского университета.

Первый детский сад по системе Монтессори Ю. И. Фаусек открыла в Петербурге 10 октября 1913 года при Коммерческом училище М. А. Шидловской. Проработав зиму и получив хорошие результаты, весной 1914 года по инициативе директора школы при этом училище С. И. Сазонова она была командирована в Рим на Интернациональные курсы Монтессори. Результатом ее пребывания в Риме стала книга «Месяц в Риме, в домах детей Марии Монтессори», изданная в Петрограде в 1915 году.

В своем дневнике Юлия Ивановна пишет: «Я была удовлетворена работой с детьми: каждый день приносил мне новые открытия; я чувствовала себя не просто обычной учительницей, обязанной в определенные сроки непременно чему-то научить своих учеников, а так, как может чувствовать себя ученый в своей лаборатории, терпеливо и смиренно ожидающий откровений от испытываемого им объекта или явления. Были, конечно, горькие минуты переживаний, разочарований, не от метода, а от собственного еще недостаточного умения; но дети, эти постоянные

мои помощники, успокаивали меня своими проявлениями, укрепляющими мою веру в метод, и вера эта росла с каждым днем».

Детский сад стали активно посещать интересующиеся новой системой, и Ю. И. Фаусек совместно с С. И. Сазоновым открыли курсы для желающих изучать методику М. Монтессори, а чуть позже Юлия Ивановна организовала при Педагогическом институте детскую «Площадку», состоящую только из комнаты и садика. Это время также нашло свое отражение в дневнике: «Дети, а их было около 150, пришли разного возраста от 3 до 14 лет. Эти дети абсолютно неграмотные, нетронутые еще никакой “наукой”, кроме той отрицательной, которую они сами себе снискивали на улицах, с жадностью набрасывались на материал Монтессори. Обычная жизнь уже тогда была тяжелой: приходилось подолгу стоять в очередях за хлебом и было очень голодно. Некоторые дети приходили, ничего не евши с утра, и все же работали, работали до перерыва и только тогда уходили домой что-нибудь поесть».

С 1917 года жизнь петербуржцев стала еще тяжелее: введены продовольственные карточки, люди живут впроголодь. Очень тяжело читать дневники Ю. И. Фаусек с записями тех страшных лет: болью пронизана каждая строчка, рассказывающая о ее подопечных. Но о себе самой, о том, как ей тяжело нести добровольно возложенное на себя бремя ответственности за этих обездоленных детей, — ни одного слова жалобы: «Дети были худые, плохо одетые. Тяжелую картину представляет утро на Площадке. Дети приходили и устало опускались на траву возле павильона в ожидании чая. Ничто их не интересовало, они были олицетворением молчаливого ожидания и терпения. Они не роптали, даже самые маленькие не плакали: все они прекрасно понимали тяжелое положение своих родителей и, вообще, всех людей. Понимали так же, что хлеба им не дают не по злой воле, а потому, что в городе его не хватало. Руководительницы успокаивали детей, говоря, что хлеб будет непременно, только попозже. И дети пили чай, приправляя его надеждой. Кроме физической тоски, почти все дети были одержимы постоянным беспокойством за своих близких. Многие из них были свидетелями тяжелых сцен, у многих из них были тяжкие потери, другие были разлучены со своими близкими. Маленький 5-летний мальчик с неестественно большими глазами, в которых светился постоянный страх, часто, углубившись в какое-нибудь захватившее его занятие, вдруг, точно спохватившись, вставал и быстро направлялся к выходу. Однажды, улучив удобный момент, я пошла с ним рядом и спросила: “Куда ты идешь?” “Посмотреть, не убили ли моего папу”, — ответил он и быстро побежал вперед. Кто знает, что пришлось пережить этому, еще такому маленькому ребенку. Должно быть, что-нибудь страшное.

Дети голодны, слабы и в подвижные игры не хотят играть, большей частью сидят или лежат на траве. Сегодня после обеда человек тридцать пришли в павильон и с нетерпением ждали рисования. Рисовали с увлечением, очень спокойно и тихо. Стали подходить другие дети просить игрушек, я думала — игрушек для игры на песке, оказалось, спрашивали о материале».

В мае 1918 года Юлия Ивановна открыла новую площадку больших размеров на Петроградской стороне, на так называемой Ждановской косе, ограниченной с одной стороны Невой, а с другой — рекой Ждановкой. Кроме нее самой, там работали еще восемь руководительниц, четверо из них окончили Монтессори-курсы. В октябре Юлию Ивановну пригласили читать лекции по методу Монтессори в Дошкольном институте, только что открывшемся в здании бывшего Николаевского сиротского института.

Зима 1919 – 1920 года не принесла облегчения. Дневник Юлии Ивановны – доказательство беспримерного мужества этой скромной женщины, которая не просто выживала сама, но в первую очередь помогала ежедневно выживать нескольким десяткам детей: «Многих учителей унесло в ту зиму в могилу, многие получили хронические болезни сердца и легких. Немало умерло и детей. Только из нашего детского сада умерло пятеро в 1919 году!

В конце 1919 – начале 1920 годов, зимой холод стоял еще свирепей, в детском саду было 5 – 6 градусов; если было 8 градусов, что бывало довольно редко, и дети, и мы бывали счастливы и могли работать.

Внешний облик детей сильно изменился в сравнении с прежним: на всем существе отпечаток серьезности и озабоченности; бледные, у многих зеленовато-серые лица, в глазах недоумение и вопрос. В комнате не выше 4 – 5 градусов; руки у детей обморожены: красные распухшие пальцы, кожа на них трескается, идет кровь; у некоторых на суставах открываются раны, и половина детей с забинтованными руками.

Дети, большей частью трудные... Многие из них видели в своей жизни уже много темного, порочного в окружающих их взрослых. Вся наша работа совместно с воспитателями интерната в течение 2-х месяцев свелась на приведение в порядок тела этих несчастных детей. В нашем детском саду холод становится невыносимым.

Сколько раз по утрам шла я в холодную школу, думая с тоской, что я буду делать сегодня с моими замерзающими детьми. И уходила оттуда умиленная и успокоенная, глубоко чувствуя, что я провела день с маленькими героями и от них получила подкрепление.

Мы надевали детям на руки рукавички тем, у кого руки еще не были забинтованы, и они, принимаясь за работу, сдергивали их с рук, не обращая внимания на то, что пальчики их краснели, синели и переставали двигаться; “Зачем они болят!” – ропщет со слезами на глазах пятилетний мальчуган, желая во что бы то ни стало действовать карандашом. Я предлагаю ему оставить работу и погреть руки, но он решительно отказывается и продолжает работать в течение 40 минут, время от времени грея руки в карманах или за пазухой».

Осенью 1924 года во время заграничной командировки Юлия Ивановна знакомилась с работающими по системе Монтессори школами и детскими садами Голландии, Германии, Италии. Позже, уже в Петрограде, она напишет в своем дневнике: «20 октября утром я подходила к прекрасному двухэтажному дому, над входными дверями которого красовалась вывеска цвета слоновой кости с яркими буквами “Montessori-School”, и мое сердце сжималось от радости и в то же время от зависти и тоски: от радости потому, что существуют на свете такие прекрасные школы Монтессори, от зависти и тоски – потому, что мне скорее всего придется увидеть их на моей Родине».

В Риме Ю. И. Фаусек встретила с Марией Монтессори. «Сегодня я получила высочайшую награду за всю мою долгую работу, богатую препятствиями и борьбой», – писала Юлия Ивановна своей дочери в письме². «Похвалы и признания моей работы после гонений и травли, которые пришлось мне выносить в течение последних лет, не могли мне дать и тени того удовольствия и радости, которые я испытала в Риме от приема и слов Марии Монтессори. Она дала мне свой портрет

² Письмо цитируется по дневнику Ю. И. Фаусек.

с дарительной надписью. Он и теперь висит у меня на стене и утешает в горькие минуты в моей работе».

А в 1925 году в Педагогическом институте было получено распоряжение из Москвы: «Закреть детские сады Монтессори». С этого времени и до начала 1990-х годов система М. Монтессори подвергалась в нашей стране «коллективного воспитания» постоянной критике: за «упорный индивидуализм», за слишком самостоятельных детей, которым работа важнее, чем игра, за «пренебрежение» к классно-урочной системе (если быть точным – за ее отрицание), которая незыблема до сих пор.

Форма управления обществом, государством, к сожалению, наложила свой отпечаток и на направленность общественного воспитания, характер общения учителей с учениками. Трудно сказать, насколько возрос бы творческий уровень нынешнего поколения, если бы оно воспитывалось и развивалось в условиях утверждения личности, в условиях гуманной, демократической, а не авторитарной педагогики.

Хочется верить, что проходят те времена, когда каждый человек был «винтиком» одной большой машины, а не неповторимой личностью. Хочется верить, что добрая, гуманная педагогическая система М. Монтессори вернется в наши детские сады и школы, и учителя будут заниматься образованием человека, которое является не обучением навыкам, а развитием ума – способности удивляться, задавать вопросы, иметь на все свою точку зрения; развитием сердца – умения со-чувствовать и со-переживать; развитием воли – формированием силы души, характера.

К учителям, которые пытались очеловечить, гуманизировать школьную среду, относилась и Юлия Ивановна Фаусек. Она помогала детям раскрываться и саморазвиваться, будила в них стремление к самопознанию и, подобно птице Феникс, возрождалась из пепла вопреки всему.